

Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопорождения*

Ирина В. Савельева^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ saviren1973@mail.ru

ID <http://orcid.org/0000-0003-4437-8489>

Поступила в редакцию 11.04.2019. Принята к печати 01.08.2019.

Аннотация: Интерес к вопросам порождения вторичного текста связан с многосторонностью данного продукта речемыслительной деятельности. Возможности Интернета значительно активизируют создание производных текстов, позволяют расширить форматы виртуальной коммуникации. Формирование новых жанров и типов текстов, а также модификация уже существующих выводят проблему исследования механизмов порождения текста на новый уровень. В данной работе описывается интернет-комментарий как результат вторичной текстовой деятельности личности. Изучение сетевых откликов, опубликованных к новостным интернет-материалам, проводится с позиций лингвоперсонологического и лингвoseмиотического подходов к рассмотрению феномена текстопорождения. В результате установлено, что знаковый образ события оказывает существенное влияние на комментирующую деятельность читателя. Это дает основания для выделения семиотической модели порождения вторичного текста. Анализ текстовых репрезентаций данной модели показывает, что семиотический взгляд на текст-стимул может отражаться в комментирующих репликах на эксплицитном и имплицитном уровнях. Предлагаются такие варианты семиотической модели, как метаязыковая, имитационная, межъязыковая, межсемиотическая и интертекстуальная, выделяемые на основании разных подходов к декодированию исходного текста. Сложная природа феномена интернет-комментария, связанная с его вторичностью и новой коммуникативной средой, обуславливает комплексный подход к изучению данного типа текста. Поэтому в перспективе исследования – описание когнитивной, аксиологической и прагматической моделей текстопорождения.

Ключевые слова: вторичное текстопорождение, первичный текст, семиотическая доминанта, текстовые маркеры, код, семиотический аспект, текстоцентрический аспект

Для цитирования: Савельева И. В. Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопорождения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 839–849. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-839-849>

Введение

Исследовательский интерес к вторичному тексту как продукту речемыслительной деятельности связан с общей тенденцией изучения различных аспектов функционирования человека в природе и обществе. Сегодня, по мнению ряда ученых, концепция текстовой вторичности является одной из доминирующих в теории порождения текста [1–6]. Феномен вторичного текстопорождения видится учеными как универсальная текстовая категория. Исследуются отношения первичности / вторичности, исходности / производности, простоты / сложности в контексте детерминант порождения [7]. Отмечается, что вторичный текст может быть репродукцией первичного текста с разной степенью компрессии и новым порождением, представляющим

собой смысловое развитие первичного текста [5]. «Кодовые трансформации, протекающие при восприятии текста и его (вос)производстве, можно выявить, сопоставляя два текста – первичный и вторичный (вторичные)» [8, с. 35]. Установлено, что связь между текстом-стимулом и текстом-реакцией по линиям *форма – содержание – функция* может варьироваться от сильной (как в диктантах и изложениях) до нулевой (как в сетевых комментариях) [8; 9].

Во многих исследованиях текстовой вторичности за основу берется определение, сформулированное в работе Л. М. Майдановой. Производный текст, с ее точки зрения, – продукт, «перенесенный» в новую коммуникативную среду, изначально существовавший вне ее, а также созданный на базе другого текста со сменой авторства

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522.

(авторской интенции). Данное определение акцентирует внимание на смене экстралингвистического контекста и в связи с этим интенции и коммуникативных целей субъекта вторичного текста [10].

Вместе с этим взгляд на вторичный текст с антропоцентрических позиций, его структурно-содержательные особенности во многом детерминированы ментально-лингвальным комплексом личности. Способность личности воспроизводить прочитанный материал в бесконечном количестве вариантов демонстрирует серьезный речетворческий потенциал, который содержится во вторичном тексте. Формирование мотива, замысла, ментальной проекции текста – все эти процессы, с одной стороны, тесно взаимодействуют при вторичном текстопорождении, а с другой – каждый из них может в большей мере повлиять на уникальность или стереотипность результата [3; 11–14].

С точки зрения И. Т. Вепревой, исследование спонтанной речевой деятельности человека, не ограниченное строгими жанровыми и прочими канонами, «позволяет заглянуть в "черный ящик" сознания, реконструировать различные этапы речемыслительного процесса» [15, с. 35].

Исследованию вторичного текста как «знакового комплекса» (термин М. М. Бахтина) уделяется внимание в рамках лингвосемиотики. По словам Ю. М. Лотмана, всегда есть необходимость для «мыслящей» семиотической структуры получить начальный импульс от другой мыслящей структуры, а для текстогенерирующих механизмов – получить для запуска их деятельности некий текст извне [16, с. 4]. Текст представляется устройством, образованным как система разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение [17, с. 10]. Особое внимание уделяется производности и семиотичности мышления человека, творящего мир вокруг себя посредством текстов, использующего преобразования кодов разного порядка, но преимущественно словесных. Семиотический подход к исследованию вторичного текста сегодня не теряет актуальности в связи со спецификой нового формата общения – интернет-коммуникации, породившей электронный полимодальный формат текста, и в связи с возросшей потребностью рассматривать текстовую (и шире – дискурсивную) деятельность человека в контексте культурных и социальных связей [17; 18].

Среди подходов интегративного характера используется текстодериватологический, нацеленный на выявление особенностей восприятия исходного текста посредством анализа серии производных, созданных в результате его прочтения, базирующийся на универсальной общеязыковой антиномии производства / воспроизводства [8, с. 37]. Первичный и вторичный тексты, прежде всего, изучаются в аспекте межтекстовой деривации. Фактически данный подход зиждется

на идее общности наиболее существенных, конститутивных признаков текста 1 (исходного) и текста 2 (производного).

Сегодня актуален и персонологический подход, устанавливающий системные корреляции между свойствами вторичного текста и особенностями личности пишущего [19]. Потенциальная множественность «дочерних» текстов позволяет определить вариативность интерпретации смысла одного «головного» текста как базовую характеристику текстобразования с учетом фактора адресата [20; 21]. Взгляд на вторичный текст с позиций лингвоперсонологии позволяет осмыслить его свойства в системе устойчивых корреляций с персонными свойствами его автора. Вторичный текст – это «зеркало» личности, соответственно, его анализ дает возможность реконструировать разные свойства автора: от психоэмоциональных до социокультурных. Подобный вектор исследований имеет два основных направления: от свойств личности к отражению их в тексте и наоборот. Первый подход к анализу текстов и выделению оснований для их классификации имеет персоноцентрический характер. Исследователем выделяется некоторый ряд персонных свойств и проводится исследование наличия системных корреляций между данными свойствами и текстовыми продуктами, например тексты, написанные экстравертами и интровертами [22]. Второй принцип, т. е. реконструирование типов языковой личности на базе текстового анализа, получил название текстоцентрического. Данные подходы синтезируют классические исследования текста и данные, полученные из других областей языкознания: психолингвистики, лингвокультурологии, лингвосемиотики, лингвополитологии [23–26].

Цель излагаемого исследования – описать одну из моделей текстопорождения вторичного текста – семиотическую, выделяемую на основании комплекса текстовых маркеров, указывающих на первоочередную роль знакового мышления языковой личности.

Материалы и методы

Научный взгляд на такой непростой объект в плане вторичного текстопорождения, как интернет-комментарий, требует учета нескольких сторон данного феномена. Помимо производной природы данного типа текстов, наличия осцилирующей связи между текстом-стимулом и реактивным текстом, важно принимать во внимание тот факт, что смысловое сцепление отдельных комментариев в интернет-пространстве превращает в реальность мысль, высказанную Л. М. Майдановой о том, что все тексты «создают всеобщий и бесконечный диалог» [10]. Поэтому вторичность текстов-комментариев сочетается с высокой степенью их диалогичности. По сути ответ на вопрос, особенно если этот ответ имеет эллиптическую форму, также возможно рассматривать

как производный текст. Неслучайно часть комментариев представляют собой виртуальную беседу, где пользователи включены в интерактивное текстообразование, один отвечает другому на его реплику и т. д. (рис.). Причиной тому служат возможности новых коммуникационных технологий. Интернет-среда обуславливает возможность замены устного общения, характеризующегося такими свойствами, как спонтанность и необратимость, замещение или сопровождение словесного кода невербальными средствами взаимодействия, значительная опора на контекст, на общение письменное [27]. Последнее в «довиртуальную» эпоху существенно отличалось от устного общения. Базовыми качествами письменной коммуникации считались подготовленность и большая формальность, синтаксическая развернутость и возможность отсрочки контакта с адресатом [28].

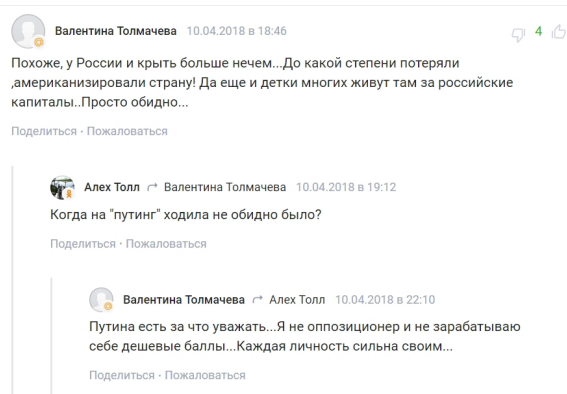

Рис. Очередность реплик в ленте комментариев
Fig. Taking turns in the commentary thread

С появлением возможности обмена письменными сообщениями в режиме онлайн произошло смещение и смешение характеристик письменной и устной коммуникации. В этой связи интернет-комментарий как жанр компьютерно-опосредованной коммуникации представляет собой образец спонтанной письменной речи, написанной без учета канонов классического «довиртуального» письма. Интернет-комментарий таким образом синтезирует свойства письменного и устного общения, в связи с чем отличается естественностью языковых конструкций, оперативностью и возможностью создания поликодовых вариаций [18; 29; 30]. Он одновременно представляет фрагмент собственного размышления и обращения к другим. Интернет-комментарий не нацелен на получение ответа, но любой отклик может получить неограниченное количество реакций за неопределенный период времени.

Второе важное свойство интернет-комментария заключается в том, что он, безусловно, продукт обыденного метаязыкового сознания. Порождение текста, рассматриваемое как реакция реципиента на вербально представленный объект, сопровождается генерированием метаязыковых высказываний. Процесс превращения мысли в суждение в данном случае в значительной степени детерминирован имеющимися в исходном тексте языковыми средствами и его структурой. Тем не менее метаязыковая функция является универсальной и возникает при речепорождении любого высказывания [15]. Неявный механизм воздействия стратегий исходного текста на читателя представляет сложность для установления степени его воздействия и дает возможность для творческого разнообразия в виде комментирующей деятельности. Интернет-«коммент» – результат обыденного толкования событий (в нашем исследовании преимущественно политических) сквозь призму личностных смыслов и политических взглядов. Кроме того, воздействие источника на адресата, в значительной степени медиатизированное средой, характеризуется «двойственностью картины мира, поскольку включает в себя объективную действительность и ее отражение в нашем сознании, т. е. реальную действительность и идеальный мир человека» [31, с. 36].

Данное исследование впитывает научные традиции текстового анализа, проводимого в лингвоперсонологии, текстодеватологии, лингвосомиотике. Первые два направления стали методологической основой исследования, а лингвосомиотический подход позволил осмыслить проблему порождения вторичного текста как продукта онлайн-среды с холистических, т. е. более абстрактных позиций. Анализ текстов-источников и комментариев к данным текстам проводится с привлечением методик лингвоперсонологического и дериватологического описания, а также с использованием общенаучных приемов наблюдения, сравнения, классификации и интерпретации. Сопоставление текстов и наблюдение за линиями текстопорождения, следуя которым авторы комментариев создают свои отклики в интернет-пространстве, основывается на результатах, полученных в области исследований вторичного текста.

Результаты

Способность человека воспринимать кодифицированную информацию, как вербальную, так и невербальную, реализуется в онлайн-комментировании. Например, в любой ленте комментариев к политическим новостям можно найти реакции, содержащие критику сообщества: *Ой...ну не надо громких слов; Как меня умиляет либеральная словесная диарея*¹.

¹ Российский бизнес ступил на тропу стальной войны с США // Lenta.ru. 06.04.2018. Режим доступа: https://lenta.ru/comments/news/2018/04/06/steel_aluminium/ (дата обращения: 04.04.2019); Авторские орфография и пунктуация здесь и далее сохранены.

Как мы понимаем, в данном случае отзывы, которые едва ли можно назвать положительными, направлены на некоторую группу предшествующих откликов. Реципиенты «макросообщения» (т. е. посылки, выводимой в результате прочтения всех сообщений, входящих в пространство веб-страницы) реагируют на символическую репрезентацию мира как на нечто, имеющее физическую природу. Интенциональной установкой авторов данного высказывания является оценивание коллективного вербального продукта. Очевидно, что исходный текст и его невербальные элементы (фотографии, композиционное структурирование) воспринимаются как естественный источник, мотивирующий адресата к порождению нового текста.

Построение вторичного текста по семиотической модели текstopорождения (СМТ) детерминировано знаковым образом события и его способностью побуждать адресата к вербализации своей реакции, предопределять его речевую деятельность с позиций интенциональности. Читатель сообщения, воплощенного в словесной форме, как первичного текста статьи, так и серии комментариев, отбирает и ассимилирует уже имеющиеся, записанные в виде вербального кода смыслы. Затем определенные фрагменты или отдельные единицы исходного текста переходят в разряд собственных и вплетаются в новую форму. Этот процесс усвоения готовых языковых единиц, актуализируемых в конкретных речевых ситуациях, имеет всеобъемлющий характер, т. к. имитационная способность личности играет большое значение в процессе восприятия языкового кода. Подобное воспроизведение готовых вербальных единиц указывает на СМТ эксплицитного характера, т. к. означающее текста либо сохраняется, либо трансформируется в незначительной степени. Таким образом, на эксплицитном уровне можно выделить четыре типа СМТ: метаязыковой, имитационный, межсемиотический и межъязыковой.

Декодирование сообщения, содержащегося в первичном тексте или в одном из вторичных, сопровождается не только ассимиляцией единиц из воспринимаемого текста-стимула, их семантизацией, включением в субъективный контекст. Реципиент также способен воспроизвести, извлечь из памяти клишированные компоненты культурного кода: литературы, музыки, искусства, кинематографа, паремийного фонда и т. д. Данный подход указывает на имплицитный характер порождения текста по семиотической модели. Это дает возможность отнести ряд комментариев к текстам, создаваемым по СМТ на имплицитном уровне, и, соответственно,

выделить пятый тип СМТ – интертекстуальный. Предложенная классификация представлена в таблице.

Проиллюстрируем действие представленных типов семиотической модели текstopорождения на примерах комментариев к медиаматериалам интернет-издания Lenta.ru, освещающим темы санкционных мер в отношении России в апреле 2018 г.

В основе СМТ 1 – комментирование композиционных-структурных компонентов источника или фрагментов текстов-реакций: заголовка, предложения, словосочетания, ключевого слова. Так, в комментариях к статье «Россия отказалась "скоропалительно" реагировать на санкции США» один из пользователей пишет: *Вот вам ещё вариант заголовка. «Россия в ответ на санкции искоренила коррупцию. Америка в шоке»*². Семиотическая линия текstopорождения прослеживается в решении переименовать статью. Ирония, использованная в альтернативном заголовке, предложенном читателем, сопровождается метаязыковыми средствами: вербальными и графическими. Вывод – данный текст образован по эксплицитному типу СМТ 1.1.

Комментирование цитаты – распространенный прием в интернет-откликах. Он также указывает на эксплицитную модель порождения по семиотическому принципу. Например, Евгений А оставил следующий комментарий: *«во главу угла нужно ставить собственные интересы Москвы» как точно сказано! оно и делается так последние 25 лет*³. Его внимание привлек фрагмент статьи, поэтому заключен в кавычки и рассматривается как объект для метаязыковой рефлексии и комментирования. Фраза *как точно сказано* является метаязыковым маркером, указывающим на осознанное восприятие стимула в форме семиотического продукта. Данный комментарий продуцирован по типу СМТ 1.2.

Прием комментирования с метатекстовыми элементами может синтезировать разные вербальные единицы, заимствуя их из нескольких источников: текста статьи, реплик других пользователей. В интернет-комментарии к материалу «Российский бизнес ступил на тропу стальной войны с США» читаем: *Российские металлурги... Дальше можно не читать! Кого металлургами обозвали, Алёшку Мордашова, сумевшего в 27 лет скупить всю Северсталь и ему подобных? Это здесь они сила под прикрытием несменного, «короли госзаказа» и т. д. А там они просто вороватая ветошь, которой необходимо отрубить щупальца и в так называемой «стальной войне» с США у них нет ни единого шанса!*⁴ Наблюдаемые здесь метатекстовые

² Россия отказалась «скоропалительно» реагировать на санкции США // Lenta.ru. 10.04.2018. Режим доступа: https://lenta.ru/comments/news/2018/04/10/peskov_response/ (дата обращения: 04.04.2019).

³ Там же.

⁴ Российский бизнес ступил на тропу стальной войны с США ...

показатели указывают на рефлексию, эксплицирующую декодирование автором серии сообщений участников беседы. Разворачивание текста осуществляется посредством включения отдельных языковых единиц, извлеченных из разных текстов-источников. Они оформлены метатекстовыми маркерами вербального и невербального кодов. Выражения *далее можно не читать и так называемые* относятся к вербальным рефлексивам, а пунктуационные знаки цитирования – к невербальным. Вывод – порождение вторичного текста по эксплицитному типу СМТ 1.3.

Отметим, что в семиотической модели производства вторичного текста часто используются приемы реконтекстуализации и редефинирования. Одним из распространенных способов продуцирования вторичного текста по семиотической модели является заимствование из текста-источника ключевых слов. Это связано с процессами распределения смыслов, заложенных в вербальном стимуле, сопровождаемыми компрессией информации. Сплав данных смыслов с линией собственных размышлений происходит с опорой на узловые единицы текстового источника. Иллюстрацией этих приемов служат комментарии к уже упомянутому материалу, фрагмент которого содержит следующие слова: *Ранее стало известно, что российские власти обсуждают проект создания специальных **офшоров** для поддержки бизнесменов, попавших в санкционные списки США*⁵. В ответ на данное высказывание пользователь *dmitri shuster* пишет: *Их всех самих надо отправить в **офшоры** и пусть там эти либералы и олегархи сами собой командуют. А России в этих условиях необходима национализация всей промышленности*. Иностранное слово, являющееся ключевым в исходном тексте, в комментарии получает другое преломление: офшоры должны стать местом ссылки для противников народа и России. Развитие этой идеи наблюдаем еще в одном тексте, оставленном пользователем Анатолием Бассурманом: *Классные офшоры. Надо еще эти острова забором обнести с колючей проволокой, чтобы туда никто не проник с проверкой и чтобы деньги не убежали. И желательно этим бизнесменам на этих островах дать военную охрану с ядерным оружием и гиперзвуковым, чтоб уж точно офшоры были в безопасности*⁶. Размышления автора на тему создания офшоров сопровождаются модальностью рекомендации. Его «квазисоветы» имеют ироничную тональность, на самом деле демонстрирующую интенцию выразить недовольство действиями власти. Семиотически продуцируемая проекция источника представлена вариантами ключевого слова. По-видимому, первый вариант *офшоры*

взят из собственного тезаурусного фонда (т. к. англицизм *offshore* в оригинальном написании содержит две буквы *f*), а второй – из текста источника. Вывод – порождение процитированных текстов по эксплицитному типу СМТ 2.1.

Еще один вариант проецирования вербального компонента исходного текста на плоскость субъективного восприятия автора производного наблюдается в комментарии пользователя Ивана Поспелова к статье «Россия отказалась "скоропалительно" реагировать на санкции США»: *поспешный ответ на санкции США мог бы стать ошибочным, во главу угла нужно ставить **собственные интересы**. Песков, огласи собственные интересы. Ну то что жена американка мы знаем*⁷. Первое предложение вторичного текста воспроизводит исходный текст. Задача автора вторичного текста – точнее понять посыл в сообщении, его цель – семиозис значений, заложенных в словосочетании *собственные интересы*. Поэтому далее автор формулирует вопрос-обращение, в котором повторяет ключевую фразу и встраивает ее в новый контекст. Вывод – порождение текста по эксплицитному типу СМТ 2.2.

Символический, опосредованный текстом образ события может иметь негетерогенный характер. Включение иконических компонентов в новостной гипертекст стимулирует комментирование. Обратив внимание на фотографию С. Пескова, опубликованную в материалах статьи «Россия отказалась "скоропалительно" реагировать на санкции США», пользователь Павел Судоплатов пишет в своем отклике: *Аж **поседел** весь от санкций*⁸. Очевидно, что стимулом для реплики явился как вербальный код, передаваемый через ключевое слово *санкции*, так и визуальный. Оценка внешности политика содержит иронию, поэтому цель данной реплики – выразить негативное мнение о политике. Вывод – порождение текста по эксплицитному типу СМТ 3.1.

Дополнительный скрытый посыл, сообщаемый той же фотографией, переводит в словесный код другой пользователь с никнеймом КОТ БАЮН: *Я слышу голос Америки! ФОТО!* В комментарии происходит «озвучивание» политика. Во избежание ошибочной интерпретации текста дается пояснение, что этот пост – реакция на визуальный код. Вывод – порождение текста по СМТ 3.2.

Варианты четвертого типа семиотической модели текстопорождения детерминированы участием в построении текста разных языковых кодовых систем. Чаще всего встречается включение англицизмов, причем не их транслитерированный вариант, а аутентичная графическая форма. В семантическом пространстве текста они могут занимать разное положение.

⁵ Россия отказалась «скоропалительно» реагировать на санкции США...

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Таблица. Типы семиотической модели текстопорождения

Table. The types of semiotic model of text production

Способ трансформации	Тип СМТ	Вариант СМТ
Типы СМТ (эксплицитный уровень)		
Процесс кодирования / декодирования сопровождается разъяснением вербального или иного кода	СМТ 1. Метаязыковой. Вербальный код исходного текста осознается реципиентом и маркируется во вторичном тексте особыми единицами метаязыкового кода – рефлексивами	СМТ 1.1. Комментируется одна из сильных позиций исходного текста
		СМТ 1.2. Комментируется фрагмент исходного текста
		СМТ 1.3. Все вторичные тексты воспринимаются как единый макротекст и комментируются обобщенно
	СМТ 2. Имитационный. Вербальный код исходного текста имеет дискретные проявления во вторичном тексте в виде готовых заимствованных единиц	СМТ 2.1. Элементы текста-источника, его ключевые слова и словосочетания становятся объектами семантизирующей деятельности, во вторичном тексте происходит приращение или смещение смысла
СМТ 2.2. Высказывание из текста-источника выступает в роли инициирующего и сопровождается экспликацией отношения комментирующего		
Визуальный код разъясняется через вербальный код	СМТ 3. Межсемиотический. Поликодовый характер исходного текста (например, сочетание иконического и словесного кодов) становится стимулом для порождения текста	СМТ 3.1. Дается общая оценка иконического сообщения
		СМТ 3.2. Вторичный текст – результат интерпретации иконического компонента первичного текста
Означивание объекта на одном языке подвергается осмыслению на другом	СМТ 4. Межязыковой. Владение несколькими языками позволяет автору «переключать коды» в процессе порождения	СМТ 4.1. Иноязычные элементы вводятся в текст в соответствии с правилами грамматической валентности субстрата
		СМТ 4.2. Иноязычные элементы вводятся в текст с маркированием их межязыковой идентичности
Типы СМТ (имплицитный уровень)		
Привлекается иной культурный код	СМТ 5. Интертекстуальный. Вербальный код исходного текста актуализирует имплицитные связи с полученным прежде семиотическим опытом воспринимающего (считывание внутренней формы текста и ассоциативная переработка сообщения, поиск аналогичных символически зафиксированных ситуаций)	СМТ 5.1. Связь между исходным текстом и прецедентным феноменом (цитатой из фильма, художественного произведения и т. д.) домысливается адресатом, т. к. архетип дан в оригинальном виде
		СМТ 5.2. Связь между исходным текстом и прецедентным элементом во вторичном тексте имеет индекс, либо архетип трансформирован автором (например, сильные элементы архетипа остаются, а слабые заменяются, как в пародии, используются аллюзии, стилистические или синтаксические имитации)

В следующем примере английское выражение беспереводным образом используется в качестве равноправного лексического элемента. Пользователь AQUARIUS пишет: *какое временное пользование??де ге не рат, пока ты платишь property taxes земля твоя*. На эту реплику немедленно следует ответ собеседника с псевдонимом Paul Hard: **property tax**-- *Этот налог в основном используется муниципалитетами для ремонта дорог, строительства школ и удаления снега или других аналогичных услуг. Ставки налога на имущество и виды имущества, которые облагаются налогом местными органами власти, несколько отличаются в разных муниципалитетах и штатах*. Здесь мы наблюдаем две разные стратегии включения в текст иноязычных слов: первый комментатор включает словосочетание *property taxes*, связывая его с другими членами синтагматического единства, а второй выделяет его по принципу словарной статьи, поясняя его значение, но не предлагая перевод. В первом примере вариант модели СМТ 4.1., а во втором – СМТ 4.2.

Доминантой вторичного текста могут стать имплицитные компоненты вербального кода: прецедентные тексты, аллюзии, структурные инновации, стилизации. Если в сознании читателя возникает ассоциация с предыдущим семиотическим опытом (например, с художественными произведениями или известными образцами кинематографа), то результатом становятся реплики следующего характера: *А теперь Горбатый! Я сказал, – Горбатый!*⁹ Написан этот текст к статье «США подготовили санкции против госдолга России». Прочтение материала заставило читателя вспомнить известный фильм, в котором Глеб Жеглов вызывает главаря банды сдать последним, акцентируя тем самым его статус. Таким образом, цитирование фразы героя указывает на имплицитный стимул, перекодирование смыслов источника заставило автора комментария прибегнуть к еще одному культурному коду – кинематографу. Вывод – порождение текста по СМТ 5.1.

Другим примером служит реплика пользователя в ответ на другой комментарий к материалу о стальных санкциях США: *"Экономист Слава Рабинович" звучит как начало бородатого анекдота. Его вам не Мойша напел!*¹⁰ В данном тексте содержится отсылка к серии известных анекдотов о людях еврейской национальности. Однако в тексте нет прямого цитирования образцов данного литературного жанра. Но заключенные в кавычки фразы и прецедентные имена являются индексами названных текстов. Вывод – порождение текста по СМТ 5.2.

Обсуждение и выводы

В контексте обыденных политических интернет-дискуссий комментарии, продуцируемые пользователями по СМТ, представляют собой образец политической демагогии, производимой в ином, сниженном стилистическом регистре. Балансируя на грани между полемикой и рассуждением об одном и том же предмете посредством «словесного экзерсиса», вторичные тексты данного типа как бы «нанизываются» на ось центрального, спорного, нуждающегося в легитимации вопроса из сферы политики.

Согласно наблюдению за межтекстовыми связями, эксплицированными в аспекте первичности / вторичности, мы делаем вывод о том, что одной из ведущих моделей порождения вторичного текста является семиотическая. Данная модель выделяется на основании знакового характера человеческого мышления и познания объективной действительности. Вторичная, опосредованная символическими формами (семиотическая) действительность имеет для языковой личности онтологический статус. Это существенное качество ментально-лингвальной сферы человека находит отражение в текстах вторичного типа. На этом основании семиотически обусловленное текстопорождение может быть представлено как модель, получающая вариативное воплощение в конкретных текстах-откликах. Мы различаем эксплицитный и имплицитный уровень проявления данной модели. На эксплицитном уровне характер смены кода (как внутри одного – словесного, но со сменой личности автора) явно выражен в тексте, тогда как на имплицитном переключение кодов происходит в диахроническом аспекте и не является явным, а идентифицируется только посредством лингвистического анализа.

Одним из распространенных типов семиотической модели текстопорождения можно считать метаязыковой тип СМТ. С одной стороны, продуцирование с элементами метатекста свидетельствует о первом, поверхностном уровне понимания первичного текста. Тем не менее способность личности осознанно воспринимать текст как знаковый комплекс и выражать свою рефлекссию является индикатором глубоких, скрытых мыслительных процессов.

Имитационный тип также несет в себе следы считывания «формы». Но по причине слабой связи комментария с текстом-источником на фактуально-содержательном уровне, характерной для интернет-комментария, такое «считывание» может дополняться рассуждениями о политике с житейских или философских, коллективистских или индивидуалистских позиций, с привлечением примеров из собственной жизни. Поэтому имитационный тип может

⁹ США подготовили санкции против госдолга России // Lenta.ru. 10.04.2018. Режим доступа: https://lenta.ru/comments/news/2018/04/10/new_sanctions/ (дата обращения: 04.04.2019).

¹⁰ Российский бизнес ступил на тропу стальной войны с США ...

сигнализировать об ассиметрично сформированных уровнях понимания исходного медиатекста.

Следующий тип, межсемиотический, характеризуется поликодовым характером интернет-страниц и полимодальностью их восприятия. Сам по себе тип порождения текста с межсемиотическими переходами не является инновационным. Хотя осмысление визуальных объектов и их описание говорит о сложном, комплексном восприятии действительности и о стремлении *homo loquens* выразить образный компонент мышления посредством языкового кода.

Что касается межъязыкового типа СМТ, то этот вариант модели порождения характерен для определенного типа личности комментатора. Поэтому здесь можно сделать вывод о корреляции данного типа с персонными свойствами автора, владеющего по меньшей мере двумя языковыми кодами. В то же время существование данного типа порождения обусловлено новой коммуникативной средой – Интернетом, обогатившим русскоязычных пользователей лексикой англо-саксонского происхождения.

Семиотические связи между исходным текстом и комментариями, рассматриваемыми как вторичные, могут быть скрытыми и существовать на уровне языковой памяти. В связи с этим лингвистический анализ позволяет установить наличие еще одного варианта СМТ – интертекстуального. Данный вариант отражает ассоциативно-динамический характер человеческого мышления. В результате появляются тексты, в состав которых входят прецедентные компоненты текстового (шире – культурного) фонда.

Подводя итоги, отметим, что семиотическая модель текстопорождения является типизированной формой представления своей точки зрения адресатами текстов СМИ. Однако в соответствии с вариативным характером речевой деятельности личности данная модель функционирует совместно с другими, такими как когнитивная, аксиологическая, прагматическая и пр. Эта концепция идейно согласуется с различными подходами к осмыслению проблемы текстопорождения в лингвистике. Задачи их описания – в перспективе исследования.

Литература

1. Агранович Н. Б. Вторичные тексты в коммуникативно-когнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 152 с.
2. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.
3. ИONOBA C. B. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград: ВолГУ, 2006. 380 с.
4. КИМ А. Г. Интерпретационное поле как реализация вариативно-интерпретационного потенциала текста (на материале лингвистического эксперимента) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 203–212.
5. Нестерова Н. М., Попова Ю. К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. № 4. 2017. С. 52–61. DOI: 10.15593/2224-9389/2017.4.5
6. Сайкова Н. В. Деривационный текст и деривационная личность в лингводидактическом аспекте (на материале текстов изложений и сочинений учащихся) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: мат-лы науч.-практ. конф. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГУ, 2004. Ч. 3. С. 129–136.
7. Мельник Н. В. Дериватологическая и лингвоперсонологическая интерпретация вторичного текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4. С. 148–153.
8. Мельник Н. В. Деривация русского текста: лингвистические и персонологические аспекты. М.: Ленанд, 2014. 280 с.
9. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 25 с.
10. Майданова Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Битенская Г. В., Богуславская Н. Е., Гиниатуллин И. А., Кожевникова Н. А., Майданова Л. М., Матвеева Т. В., Мурзин А. Н., Сахарный А. В., Сиротинина О. Б., Чернухина И. Я. Человек – Текст – Культура. Екатеринбург: ИРРО, 1994. С. 81–104.
11. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: Либроком, 2009. 240 с.
12. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, Академия, 2008. 368 с.
13. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
14. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000. 382 с.
15. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
16. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
17. Садченко В. Т. Вторичный семиозис в художественном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 2009. 38 с.

18. Радина Н. К., Александрова Н. С. Семиотика мультимедийного текста: креолизованные тексты в профессиональной онлайн-коммуникации (на материале официального сайта НИУ ВШЭ) // Вопросы психолингвистики. 2016. № 30. С. 164–180.
19. Ергалиева С. Ж., Мельник Н. В. Лингвоперсонология политического интернет-комментария (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 604–609.
20. Ким Л. Г. Интерпретационные стратегии в рецептивной деятельности адресата речевого произведения // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.). СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 8. С. 130–135.
21. Ким Л. Г., Голев Н. Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153.
22. Попова О. А., Денисова Э. С., Оленев С. В., Паули Ю. С., Прокудина И. С., Шпильная Н. Н., Татаринцева Е. Н., Артемова Т. В., Аввакумова Е. А., Киркинская Т. И., Иванцова Е. В. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку. Кемерово: КемГУ, 2009. 384 с.
23. Голев Н. Д., Шпильная Н. Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. С. 128–137.
24. Богачанова Т. Д. Текстовое проявление особенностей языковой личности: типологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 162–169. DOI:10.21603/2078-8975-2018-2-162-169
25. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Дзюба Е. В., Кошкарлова Н. Н., Кондратьева О. Н., Никифорова М. В., Пирожкова И. С., Руженцева Н. Б., Солопова О. А. Теория и методика лингвистического анализа политического текста. Екатеринбург: УрГПУ, 2016. 308 с.
26. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев). Кемерово: КемГУ, 2015. 220 с.
27. Абросимова Е. А., Кравченко Ю. Д. Читательский комментарий как феномен интерпретации медиатекста (на материале интернет-комментариев и данных эксперимента) // Медиаскоп. 2017. № 2. 18 с.
28. Абдуллина Л. Р. Эволюция жанра комментария: теоретический аспект // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 7. С. 129–132.
29. Романтовский А. В. Массовый дискурс проблематизации как основа общения на форумах электронных СМИ // Коммуникативные исследования. 2017. № 4. С. 150–164. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.150-164
30. Носовец С. Г. Редакционный комментарий как элемент новостного текста СМИ в социальных сетях: прагматистические особенности (на материале пабликов СМИ в "ВКонтакте") // Медиаскоп. 2018. № 2. 17 с.
31. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 36–44.

Internet Commentary as a Secondary Text: Semiotic Production Model*

Irina V. Saveleva^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ saviren1973@mail.ru

ID <http://orcid.org/0000-0003-4437-8489>

Received 11.04.2019. Accepted 01.08.2019.

Abstract: The phenomenon of secondary text production has become a focal point due to the integrative nature of this speech product. The possibilities of the Internet greatly enhance the creation of derivative texts, thus expanding the formats of virtual communication. The formation of new genres, as well as the modification of existing ones, brings the problem of studying the mechanisms of text generation to a new level. This paper describes the Internet comment viewed as a secondary textual activity of the individual. An analysis of the network response, posted to online news content, has been conducted from the standpoint of linguopersonological and linguosemiotic approaches to the text construction. Importantly, the iconic and discursive patterns of the event have a significant impact on the reader's commenting activity. This makes it possible to highlight the semiotic model of secondary text generation. The analysis of text representations of this model shows that the semiotic "view" on the text stimulus can be reflected in the comments at the explicit and implicit levels. The authors propose the typology of the semiotic model including five variants, i.e. metalinguistic, simulation, cross-language, transmutational, and intertextual. The variants can be allocated on the basis of different approaches to source text decoding. The complex nature of the phenomenon of Internet commentary, determined by its secondary character and new communicative environment, provides a comprehensive approach to the study of this type of text. In the future, the study can provide a description of cognitive, axiological, and pragmatic models of text production.

Keywords: production of a secondary text, primary text, semiotic dominant, textual markers, code, semiotic aspect, text-centered aspect

For citation: Saveleva I. V. Internet Commentary as a Secondary Text: Semiotic Production Model. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 839–849. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-839-849>

References

1. Agranovich N. B. *The cognitive-communicative approach to a secondary text*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2006, 152. (In Russ.)
2. Verbitskaya M. V. *The theory of secondary texts (the study of modern English)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2000, 47. (In Russ.)
3. Ionova S. V. *Approximation of secondary texts' content*. Volgograd: VolGU, 2006, 380. (In Russ.)
4. Kim L. G. Interpretation field as the realization of the variant text interpretation potential (based on experimental data). *Siberian Journal of Philology*, 2010, (1): 203–212. (In Russ.)
5. Nesterova N. M., Popova Yu. K. The problem of differentiating primary and secondary texts. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2017, (4): 52–61. (In Russ.) DOI: 10.15593/2224-9389/2017.4.5
6. Saikova N. V. Derived text and derived personality in linguodidactic aspect (the study of students' essays). *Natural written Russian speech: Proc. Sci.-Prac. Conf.*, ed. Golev N. D. Barnaul: AltGU, 2004, part 3, 129–136. (In Russ.)
7. Melnik N. V. Derivatological and lingvopersonological interpretation of secondary texts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (4): 148–153. (In Russ.)
8. Melnik N. V. *Derivation functioning of the Russian text: structural and personality approaches*. Moscow: Lenand, 2014, 280. (In Russ.)
9. Saveleva I. V. *The variability of text production and text generation strategies: linguistic personality approach (the study of political Internet commentary)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2013, 25. (In Russ.)

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, research project № 19-012-00522.

10. Maydanova L. M. Speech intention and the typology of secondary texts. Bitenskaya G. V., Boguslavskaya N. E., Giniatullin I. A., Kozhevnikova N. A., Maydanova L. M., Matveeva T. V., Murzin L. N., Sakharov L. V., Sirotinina O. B., Chernukhina I. Ya. *Man – Text – Culture*. Ekaterinburg: IRRO, 1994, 81–104. (In Russ.)
11. Dridze T. M. *Language and social psychology*. Moscow: Librokom, 2009, 240. (In Russ.)
12. Leontyev A. A. *Psychology of interaction*. Moscow: Smysl, Akademiia, 2008, 368. (In Russ.)
13. Zhinkin N. I. *Speech as a conductor of information*. Moscow: Nauka, 1982, 159. (In Russ.)
14. Zalevskaya A. A. *Introduction into psycholinguistics*. Moscow: RGGU, 2000, 382. (In Russ.)
15. Veprev I. T. *Linguistic reflection in Post-Soviet period*. Moscow: OLMA-PRESS, 2005, 384. (In Russ.)
16. Lotman Yu. M. Inside thinking worlds. *Human – text – semiosphere – culture*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996, 464. (In Russ.)
17. Sadchenko V. T. *Secondhand semiosis in fiction*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Vladivostok, 2009, 38. (In Russ.)
18. Radina N. K., Aleksandrova N. S. Semiotics of multimedia text: creolized texts in professional online-communication (based on the HSE official website). *Voprosy psikholingvistiki*, 2016, (30): 164–180. (In Russ.)
19. Yergaliyeva S. Zh., Melnik N. V. Linguistic personology aspect of political internet commentary analysis: the case study of Russian and Kazakhstan web sites. *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii*, 2018, (6): 604–609. (In Russ.)
20. Kim L. G. Interpretation strategies in receptive activities of the addressee of the speech work. *Russian language and culture in the global cultural network: Proc. XIII MAPRYAL Congress (Granada, Spain, September 13–20, 2015)*. Saint-Petersburg: MAPRIaL, 2015, vol. 8, 130–135. (In Russ.)
21. Kim L. G., Golev N. D. On the relations of an addressee, author and text in the paradigm of linguistic interpretativism. *Siberian Journal of Philology*, 2008, (1): 144–153. (In Russ.)
22. Popova O. A., Denisova E. S., Olenev S. V., Pauli Yu. S., Prokudina I. S., Shpilnaya N. N., Tatarintseva E. N., Artemova T. V., Avvakumova E. A., Kirkinskaya T. I., Ivantsova E. V. *Linguopersonology and personality-oriented language teaching*. Kemerovo: KemGU, 2009, 384. (In Russ.)
23. Golev N. D., Shpilnaya N. N. Ordinary medical communication (types of discursive practices). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (1): 128–137. (In Russ.)
24. Bogachanova T. D. Text manifestation of the linguistic persona features: typological aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 162–169. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-162-169
25. Chudinov A. P., Budaev E. V., Dzyuba E. V., Koshkarova N. N., Kondratyeva O. N., Nikiforova M. V., Pirozhkova I. S., Ruzhenceva N. B., Solopova O. A. *Linguistic analysis of political discourse: theory and method*. Ekaterinburg: UrGPU, 2016, 308. (In Russ.)
26. Saveleva I. V. *The variability of text production and text generation strategies: linguistic personality approach (the study of political Internet commentary)*. Kemerovo: KemGU, 2015, 220. (In Russ.)
27. Abrosimova E. A., Kravchenko Yu. D. *Reader comment as a phenomenon of media text interpretation (based on internet comments and experiment data)*. Mediaskop, 2017, (2): 18.
28. Abdullina L. R. Development of a genre of the comment: theoretical aspect. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (7): 129–132. (In Russ.)
29. Romantovskiy A. V. Mass discourse of problematization as a basis of communication on forums of e-media. *Communication Studies*, 2017, (4): 150–164. (In Russ.) DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.150-164
30. Nosovets S. G. Editorial comment as an element of mass media news text in social networks: pragmastylistic features (based on mass media communities in "VKontakte"). *Mediaskop*, 2018, (2): 17. (In Russ.)
31. Alefirenko N. F. Cognitive-semiological paradigm in linguo-cultural studies. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2006, (1): 36–44. (In Russ.)